

Владимир Иванович Даль

Займы

Владимир Иванович Даль

Займы

— — А я к тебе, любезный Костромин. По-
слушай, душа моя, сделай милость,
дай мне пятьдесят рублей до первого числа,
очень нужно, ей-богу, то есть вот не на что
овсеца купить верховому своему да сенца,
нечем заплатить проклятому жиду, а он не
дает покоя и уж два раза жаловался полков-
нику. Ей-богу, такая беда! Пожалуйста, не от-
кажи.

Костромин стоял молча, не зная, что отве-
чать, он думал только про себя: "Что я за су-
ма-дай пить и есть, что должен раскошели-
ваться каждый раз, когда кто-нибудь в полку
проиграется или беспутно прокутит жалова-
нье свое и после ходит, грызет ногти и ищет
дурака?.."

— — Ну, послушай же,— продолжал первый,—
дай хоть сорок, хоть, наконец, тридцать пять:
ей-богу, до зарезу нужно...

— — А подумаешь ли ты о том, что их надоб-
но отдать? — спросил, задумавшись, Костро-
мин.

Товарищ очень обиделся этим вопросом,
спросил в свою очередь, за какого подлеца
тот его принимает, призывал в поруки честь

свою, благородное слово, опять упрекнул Костромина за крайне обидное, неприличное слово и опять, надув несколько губы и покраснев в лице, стал божиться и заклинаться и спрашивать настойчиво:

— Да неужто ж ты мне не веришь? Так после этого ты сам стоишь того, чтоб тебя обругать... За кого ж ты меня принимаешь?

Костромин достал деньги, отдал их молча, и товарищ отправился, сказав несколько сухо и с расстроенным видом:

— Спасибо, непременно отдам.

Оставшись один, Костромин горько улыбнулся. "Экой я казначей! -- сказал он, покачав головой.-- И откуда только берется такая судьба человека, как моя? Доходов, кроме жалованья, ни одного гроша, коли от трети до трети есть остаточки да маленький запасец, накопленный в несколько лет, то это не оттого, конечно, чтоб я получал более других, а оттого только, что я не пью, в карты не играю, беспутно ничего не проживаю... За что же мне вечно оплачивать глупости других? За что же тот, кто бесстыднее и наглее, проживает чужое? У нас есть так называемые богачи, кото-

рые получают из дому вдвое и втрое против жалованья, один даже вдесятеро более, но никому и в голову не придет идти к ним за деньгами, они от этих доук свободны, напротив, они-то первые обируют нашего брата-бедняка, и у них-то память на это дело всегда короче. Попытайтесь напомнить им о должке, если только это не карточный долг, и они готовы стреляться с вами за эту обиду. Взято, так взято, а благородство дворянина и особенно честь офицера требуют, чтоб несчастный заимодавец, дурак этот, раболепно молчал или товарищески прикусил язык и не поминал старого, а припасал на случай нужды новое... Ведь не о деньгах речь, а об этой подлости людей, которые хотят слыть примером честности и благородства!"

"Да он отдаст,-- сказал сам себе бессознательно Костромин и оглянулся, будто это проговорил кто другой, и, резко покачав головой, сам же себе отвечал.-- Кто? Он отдаст? Да если он отдаст в срок, если он отдаст добром, без ссоры, наконец -- да, и на это согласен -- если он вообще когда-нибудь сам вспомнит о долге этом и отдаст его, то я готов позволить сде-

лать над собою что угодно... И не в том дело, впрочем, не в этих тридцати пяти рублях, хотя они при четырех сотнях всего содержания также не бирюлька, но не в том дело, и, пожалуй, даже не в том, что таких расхожих рублей, из которых составляются десятки и сотни, у меня считается в бегах... да сколько... сотни четыре, годовой оклад -- а вот в чем дело: для чего это так на свете бывает, зачем все это так устроено, что всегда невинный отвечает за виноватого, всегда наглость и бесстыдство берут верх, а скромный, благонамеренный и тихий человек, который не умеет даже сказать такую простую и простительную ложь, как например: у меня нет денег, что такой человек должен страдать за товарищей своих негодяев..."

"Кончено!-- сказал Костромин, ударив кулаком в стол и вскочив с места.-- Дудки! Меня больше не подденешь! Это было последнее мое дурачество. Что я, в самом деле, за банкир? Не дам никому ни рубля: и лгать не стану, а скажу прямо, без обиняков, что не дам. Для чего и для кого же я коплю и сберегаю? Для удовольствия картежника, который в ча-

ду своего беспутства спускает в одну минуту и на одну карту более, чем я в состоянии накопить в круглый год? Для бахвала, который обливает кислым донским вином столы и стулья и платит за него, как за шампанское, лишь бы этому были свидетели и сводили замечательный счет бутылкам? Для распутного негодяя, который... Словом, кланяюсь всем им. Лучше я раздам рубли эти беднякам или поправлю на них два-три хозяйства разорившихся по несчастью крестьян -- словом, и лгать не стану, да и держать не стану денег, ни лишнего гроша: я им лучше сам протру глаза".

Костромин надел сюртук, взял фуражку, вышел на улицу и отправился прямо к одному крестьянину, о котором он на днях слышал. Удостоверившись на месте, что в семье, где числилось семь душ, был один только работник, потому что один был отдан в рекруты, другой помер, третий калека и сидел сиднем на печи, четвертому минуло семьдесят лет, а пятому и шестому было по пяти и по шести лет от роду, удостоверившись также, что единственный работник и хозяин двора

этого был мужик довольно порядочный, потерявший только от удручавших его несчастных обстоятельств, Костромин тотчас же распорядился: заплатил за него по мелочам целковых десять долгу, внес за него столько же подушных и недоимочных по земским повинностям, выкупил недавно проданную им последнюю коровку и купил ему еще дешевенькую крестьянскую лошадку... "Я знаю,-- говорил он,-- что по мнению опытных хозяев так делать не должно и что по мнению их подобные несоразмерные подарки мужику впрок не пойдут. Посмотрим, пропадать деньжонкам моим, так пусть же они пропадают таким образом, а не за беспутными гуляками". Крестьянин при таком неожиданном перевороте ровно одурел: он плакал и смеялся, ходил следом за благодетелем своим, кланялся и носил шапку свою, как пугало, на кулаке. Баба его, женщина еще молодая, но изнуренная, не могла доискаться слова, она только крестилась и кланялась каждый раз, когда нежданный благодетель проходил мимо нее или приближался. Костромину самому смешно было, если он среди распоряжений своих

вспоминал, по какому поводу он внезапно сделался ревностным покровителем несчастных. "Успокойтесь, друзья мои,-- думал он.-- Это, к сожалению, ненадолго, бумажник мой скоро опустеет, а то, что было в нем, накопилось в течение нескольких лет. Я думал, что оно пригодится мне, если б я вздумал съездить в отпуск или когда б я... когда б я вздумал жениться, но это все, как я вижу, одни мечты, год за годом уходит, добрые товарищи меня обирают. Не дать, так и не жить с ними, а лучше пусть нечего будет раздавать, так на сердце станет спокойнее".

-- Не знаешь ли ты,-- спросил он мужика,-- нет ли тут где по соседству такого ж бедняка, как ты? Да чтоб непьющий был мужик и работающий -- понимаешь? Такого, который обнищал от беды, от напасти, а не по своей оплошности?

Крестьянин повторял: "Понимаю, как же?",-- а между тем смеялся сквозь слезы как дурачок и повертывал шапку свою на кулаке. На этот раз хозяйка его скорее опомнилась и дала толковый ответ: "Есть, батюшка, как не быть! Богатых-то не больно много, а такие

есть. Вот в Сосницах за горой добрый мужик есть, Андреем зовут, такой же горемыка, сердечный, как и мы вот до тебя были, да еще и лошадку украли у него мошенники -- так пропал совсем, вот хоть живому в могилу ложиться".

Костромин пошел домой, велел оседлать коня, поехал в Сосницы и отыскал Андрея. Разузнав и тут все, что было ему нужно, он вытряс запасной бумажник свой до самой подкладки. Весело улыбнулся он, когда увидел это и убедился, что на этот раз, по крайней мере, пришел конец его страданиям. Он и этого крестьянина также выкупил из беды, купил ему тут же лошадь, новый сошник, тулуп и сермягу. Затем он легко взвился на лошадь и без оглядки пустился крупной рысью из сельца, объехав вокруг леса, посмотрел на озеро, где бабы бродили бреднем и прятались от нежданого и незваного зрителя в тростник, потом поворотил домой и в самом веселом и беспамятном расположении сел у окна с трубкою и со стаканом чаю.

Не прошло двух недель, как офицеры собрались у одного из товарищей, где был и Ко-

стромин. Занимались по обыкновению напущением друг на друга пятидесяти двух разбойников, у одного из них (не из разбойников, то есть, а из числа хозяев их) был сделан самый верный расчет и следовало убить семерку, но она обманула, не далась, и проигравший с отчаянным исступлением ударил себя в лоб...

-- Быть не может! Нет, не может быть! -- закричал он, подумав немного и поверив в безумии своем какой-то бессмысленный расчет, по которому он бил наверняка.-- Быть не может, семерка должна мне воротить все. Атанде, господа!

Он вскочил и оглядывался, у кого бы занять рублей двадцать пять для ставки наверняка:

-- Костромин, дай ради бога! Не откажи. Клянусь...

-- У меня, брат, нет ниже зелененькой, я и сам до жалованья сижу без оных.

-- Да дай же, братец, пожалуйста! -- продолжал тот с таким негодованием, будто сам отбивался силою от какого-нибудь докучливого нахала.-- Дай, пожалуйста, ты видишь,

что тут было верное, семерка даст соника -- небось, твое не пропадет, я отвечаю!

-- Послушай,-- сказал Костромин.-- Ведь вот ты же требуешь, чтоб я твоему слова верил, верь же и мне, я никогда и никого из товарищей не обманывал, у меня нет денег, и именно нет за душой ни пяти рублей.

-- Помилуй, братец! -- начал тот.-- У тебя нет денег! Да это курам смех, да куда же ты их девал?

-- Куда девал -- это мое дело, довольно того, что их нет.

-- Верно на какой-нибудь вздор издержал,-- сказал тот с горьким упреком.-- А вот когда добрые товарищи в нужде, в крайности, когда иному до зарезу нужно, так и нет...

Костромину, который был в самом спокойном расположении и нисколько не сочувствовал рьяному порыву горячего товарища, выходка эта показалась очень забавною, он улыбнулся молча, кой-кто из прочих собеседников также рассмеялся, но на этот раз дело этим кончилось, и семерка не дала ничего. Через несколько дней, однако ж, опять кто-то наведалься к полковому... банкиру, что ли:

иначе я его и назвать не умею, хотя и банкиры не дают обыкновенно займы без отдачи, и наведаясь по крайней надобности в деньгах. Костромин поздравлял себя от души, что от чистого сердца и с спокойною совестью может сказать: "Нет ни копейки",-- и, разумеется, остался при этом ответе. На вопросы: "Отчего же нет и как нет?" -- он отвечал, пожимая плечами, но видно было по всему, что ему не верили. "Костромин прижался, братцы,-- стали поговаривать.-- Обратился в жидовскую веру, стал копить не на шутку..." Отчего же никто не выдумал упрекать тех, которые получали втрое более Костромина, а проживали по крайней мере вшестеро более и, конечно, также никому не давали займы ни медного гроша?

Прошло еще недели две-три, и внезапно сказан был поход. Суматохи было много, потому что весть эта многих застала врасплох. Доселе везла и не везла семерка, а теперь надо было устроиться так, чтоб повезли верховые и вьючные лошади, надо было подняться и идти... И опять прибегает вечером к Костромину один из так называемых товарищей, че-

ловек женатый, семейный, но человек, любивший кутнуть по-походному и по-военному, человек, который, невзирая на свои 35 лет и на четверочку ребятишек, неминуемо пускал каждый грош ребром и копейку козырем... человек, который выходил на целый день со двора, когда дома нечего было есть, без труда прикидывался веселым холостяком и добродушно забывал о живой жене и детях... "Ну, Костромин,-- сказал он,-- как хочешь, а дай мне сто рублей. Воля твоя, а я без этого от тебя не выйду, я в таком отчаянии, что готов не знаю что над собою сделать. Вообрази, тут выступать, а тут семья на шее, а денег -- вот хоть шаром покати, ни гроша. Я был у всех, обошел кругом... Я знаю, что ты зарекся теперь и не даешь никому, да уж как хочешь, брат, а не дают и другие, нет ни у кого, вот таки будто сам сатана в мешке вынес все деньги из целой округи -- нигде нет, хочешь не хочешь, а дай. Вот божусь тебе, клянусь тебе всем, и женой и детьми, как только получу первые деньжонки -- есть, пить не стану, а тебе принесу, отдам... А тут еще назначили меня бог весть с чего квартирьером,

я завтра со светом выступаю, а семья моя сидит, и хоть лоб взрежь, не знаю, как им подняться..."

Можно себе вообразить, как приятна была для квартирьера весть, что он не получит ни пятидесяти копеек, что и сам банкир в нужде, не приготовясь к этому нечаянному походу, и что запас его давно истощился. Несмотря ни на какие просьбы и убеждения, которыми расчетливый хозяин и добрый отец семейства истомил бедного Костромина, этот не мог дать ничего, потому что у него не было даже необходимого для похода и он сам нуждался. Посетитель ушел в раздумье и на крыльце сказал вполголоса: "Подлец! Вот подлец! А туда же, хочет слыть порядочным человеком!"

На другой день вечером денщик квартирьера пришел к Костромину с просьбой, чтоб он пожаловал к барыне.

— - Что ж там у вас?

— - Не могу знать. Барин со светом сегодня уехал, барыня собираются завтра с полком, а сегодня, видно, вас поджидали...

— - Да зачем же меня?

- - Не могу знать-с.

Костромин подумал, что в отсутствие мужа Марии Ивановне легко могла встретиться какая-нибудь надобность в помощи, взял фуражку и отправился.

Походное семейство квартирьера готовилось в поход. Везде укладывались мешки, сундуки и чемоданы, фургон был выдвинут на середину двора, денщик похаживал вокруг него и поколачивал, дети бегали в походных платьях, дорожная старая шляпка, мешок, ключи и другие принадлежности лежали на столе, а Марья Ивановна, молодая, благовидная женщина кроткой наружности, сидела сложа руки на диване и смотрела на все это с выражением какой-то грусти. Она поклонилась Костромину с улыбкой и как будто затруднилась несколько в ответе, когда он спросил, что ей угодно. Она посмотрела на него в каком-то недоумении и, приветливо улыбаясь, сказала: "Ведь я ждала вас весь день сегодня. Извините, что я решилась, наконец, послать просить вас, вероятно у вас также свои заботы, теперь мы все в тревоге".

Слова эти, однако ж, нисколько не объяс-

нили Костромину, зачем его позвали, он старался объяснить вежливым образом, что хотя и рад служить Марье Ивановне чем может, но что он не знает, почему именно его весь день ждали, и потому просит объясниться. На лице бедной женщины появилась какая-то болезненная, скорбная черта и выразились опасение и ужасная догадка.

-- Как,-- сказала она тихо.-- Разве муж мой ничего вам не говорил?

-- Ничего... то есть он говорил со мною, но не приглашал меня в отсутствие свое к вам и вообще ничего не говорил, из чего бы я мог понять теперь, в чем у вас дело.

Марья Ивановна вздохнула, опустила глаза на колени свои, стала пальцами перебирать шнурок дорожного мешка и видимо побледнела. Один из детей стал спрашивать надувшись: "Скоро ли сегодня обедать?" -- и она отвечала спокойно: "Скоро, друг мой, подожди". Костромин взглянул с изумлением на ребенка, потом на молодую мать. Уже начало смеркаться, а военные люди обедают в полдень. Он присел и убедительно просил хозяйку объясниться.

-- Что ж я вам скажу?-- отвечала она так же спокойно.-- Вы видите сами и, вероятно, догадываетесь. Я не в таком положении, чтоб могла что-нибудь от вас скрывать. Нам нельзя подняться, нет лошадей, нет еще много кой-чего и между прочим хлеба, есть только несколько долгов, хотя и небольших, которые также надобно уплатить. Уезжая, муж успокоил меня тем, что был у вас и что вы по доброте своей обещали нам помочь. Он сказал мне, что оставляет меня с детьми на вашем попечении, и, признаюсь, меня это вполне успокоило. Что ж! будем сидеть и ждать, что бог даст, то и будет,-- прибавила она.

-- Муж ваш обманул вас,-- сказал Костромин.-- Он просил у меня денег, я отказал ему, потому что у меня теперь их нет, нет даже необходимого, затем он ушел, и более я его не видал. Что ж вы будете делать теперь?

-- Я не знаю,-- отвечала она все с тем же спокойствием.-- Вы слышали, что дети надеются еще сегодня на обед, если полк уйдет завтра, то мы проводим вас глазами, а что дальше с нами будет, не знаю.

Костромин встал и просил ее успокоиться

и обождавать. Он пошел прямо к тому человеку, который занял у него за несколько месяцев тридцать пять рублей при божбе и клятвах, что отдаст через несколько дней. Костромин напомнил ему очень скромно обещание его и говорил, что деньги очень нужны ему теперь не для себя, а для других, но тот очень обиделся этим, а денег, разумеется, не отдал. Тогда Костромин в крайности написал до десятка записок одного содержания, а именно: "Любезный такой-то! Один из товарищей наших покинул семейство свое, которое терпит крайнюю нужду, на мое попечение, а у меня теперь недостает денег, чтобы им пособить. Прошу тебя по этому случаю и, следовательно, не для себя прислать мне старый должок или хоть часть его, сколько у тебя есть". Записки эти разосланы были по принадлежности, но не дали Костромину ни гроша прихода. Иные господа отвечали на той же записке письмен но: "Извини, ей-богу нет",-- большая часть приказывали сказать на словах: "Хорошо, кланяйся, скажи, что я сегодня сам увижусь".

Костромин, правду сказать, и не надеялся

лучшего успеха, но не менее того ему было это очень прискорбно. Что делать теперь и как быть? Бессовестный квартирьер, конечно, не стоит ни забот, ни помощи, но чем же виновато бедное семейство его? "Коли не хотят отдать долгов,-- подумал добряк мой,-- то надобно приступить к ним иначе, а все-таки не миновать им складчины". Он взял фуражку и обошел кругом всех наличных в штабе офицеров, рассказав каждому в чем дело и объявив, что сам он более двадцати пяти рублей дать не может, а надо собрать по крайней мере двести. Никто, разумеется, не мог отказать, и те же самые люди, которые считали большим оскорблением, если кто требовал, чтоб они уплатили долги свои и отдали деньги, взятые на срок и на честное слово, те же самые люди внесли теперь каждый свою долю, хотя и знали, что нет никакой надежды получить когда-нибудь долг этот с квартирьера. Круговая порука!

Костромин заплатил за приторгованных уже заботливым отцом семейства кляч, вручил остаток бедной Марье Ивановне и в самом грустном расположении воротился до-

мой. Долго раздумывал он о том, какое странное и бестолковое создание человек вообще, а такие люди, с какими он теперь имел дело, в особенности. На другое утро все выступили, квартирьер встретил полк и развел всех по квартирам, но о происшествии этом между ним и Костроминым никогда не было речи, словно ничего не случилось. Квартирьер был весел и доволен, как обыкновенно.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ был впервые опубликован в 1857 году в журнале "Отечественные записки" (т. 114, No 10) в цикле "Картины русского быта". Перепечатывался в собраниях сочинений В. И. Даля в 1861 (т. I), 1883 (т. IV), 1897 (т. IV) гг.

Стр. 398. *Атанде!*-- "стой, постой, не мечи банк далее, я ставлю" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Зелененькая -- кредитный билет достоинством в три рубля.

...семерка даст соника...-- то есть сразу выиграет весь банк.